

ОНО МНЕ НАДО

Название этой книги исцеляет, хотя на первый взгляд так вовсе не кажется. Здесь нет вопросительного знака, который по правилам правописания должен бы стоять в конце предложения. Дело в том, что ответ на такой вопрос находит жизнь. Поэтому «оно мне надо» задается не как нечто, что навсегда останется после нас. Дон Кихота Сервантеса, Рыцаря печального образа, бившегося с ветряными мельницами, чтобы сделать мир лучше, после сражения привозят домой к сестре. Тогда он разболелся и сказал, что все им сделанное было большой глупостью. И испустил дух. В сущности, он задал вопрос: «Оно мне было надо?» И от этого умер, а мы знаем, что в смерти нет ничего исцеляющего.

Человек, овладевший художественным ремеслом, сомневается до последнего вздоха, а сомнение всегда возвращает его к началу и переплавляет этот вопрос в экзистенциальное состояние. Поэтому мне близка та философская мысль, что человек никогда не ступает в одну реку дважды, или рационалистический тезис Декарта: «Сомневаюсь, следовательно, мыслю»**, хотя время, в котором мы живем, не требует от нас задавать серьезные вопросы и тем более сомневаться. Оно требует быть успешными, и в этом процессе сомнение отпадает*

* Отсылка к изречению древнегреческого философа Гераклита Эфесского «Нельзя войти в одну реку дважды». — Здесь и далее примечания научного редактора.

** Передача автором в свободной форме известного утверждения французского философа-рационалиста Рене Декарта «Cogito, ergo sum» («Я мыслю, следовательно, я существую»).

в первом же раунде нашей жизненной игры. Так я отличаю прошлое от восьмидесятых, когда шагнул в мир искусства, где уверенность в себе приводила к фильмам, становившимся хитами, и к тем, что рождались из сомнений. Я принадлежал к этому второму типу!

Трудно найти человека, который хотя бы раз в жизни не сказал «оно мне надо». И чаще всего не находил верного ответа. В сумме окрашенных чувствами событий «оно мне надо» превращается в положение вещей, и четкий ответ может его затормозить, сделать бессмысленными начатые процессы и сбить его жизнь с пути. Представьте, что Дон Кихот, этот благородный человек, посреди идеалистического действия задал себе вопрос, прозвучавший в самом конце!

Мы обычно понимаем, что надо было что-то сделать или нет, уже шагая сквозь туман, который сами же и создаем или который настигнет нас на жизненном пути. Тогда, всматриваясь в свет, скупыми лучами очерчивающий наш маршрут, мы осознаем, что он и может быть выходом. Но что делать, когда после череды успешных лет оптимизм и радость вдруг сменяются депрессией? То ли из-за внезапной лени, то ли как реакция на пройденный путь и чрезмерное количество событий? Или депрессия и лень — это одно и то же?!

«Оно мне надо» — за последние двадцать пять лет я часто задавал себе этот вопрос, списывая множество страниц. Дневниковые записи и реакция на арену социальной жизни, куда меня катапультировал первый фильм, были выражением моей открытости и собственных убеждений, но и моей эмоциональной реакцией на трагедию, через которую прошли народы в последней войне. Это был самый большой удар, который я мог смягчить, именно записывая разные вещи. И, что важнее, последовавшие за этим события говорят о больших переменах

в мире, в котором мы живем. Сербия стала первой мишенью демократического тоталитаризма, весь мир перевернулся, и вот сейчас мы имеем такую планету, что не уверены, избежит ли она апокалипсиса, давно предсказанного в книге христианской.

Записи в этой книге не предназначены отвечать на вопросы или разрешать крупные дилеммы. Все здесь родилось из потребности засвидетельствовать время, в котором я живу, и оставить след для тех, кто в будущем проверит, было ли все оно надо!

Эмир Кустурица

ЮГОСЛАВИЯ РАСПАДАЕТСЯ, А Я СНИМАЮ ФИЛЬМ

10 марта 1994 года

Когда лифт гостиницы «Прага» поднимался на девятый этаж, было слышно, как противовесы погружаются в глубину, ударяясь о стены бетонной утробы. Эхо ударов отзывалось одно за другим и неуловимым путем увело меня в прошлое. Я почувствовал, что сердце в груди колотится так же, как в перерывах между футбольными баталиями на улице Авдо Ябучицы в Сараеве. Тогда голод заставлял меня мчаться домой и наскоро съесть кусок хлеба со смальцем, посыпанным паприкой, а потом назад, к продолжению схватки.

Тросы, к которым прикреплен движущийся ящик, царапались друг о друга, а растерянный взгляд мальчика-лифтера усиливал мысль о том, что страх смерти не является первой и самой большой заботой человека!

Падение вниз — древнейший страх человека.

Новорожденный пугается, когда акушерка вздымает его из утробы матери в воздух, но первый страх рождается, стоит ему посмотреть вниз, на пол. Потом человек всю жизнь боится падения.

Когда-то люди старались избежать нравственного падения, а сегодня они главным образом боятся финансового краха. Один провал подразумевает другой. Однако сегодня все наоборот. Выживание чаще всего означает безнравственность, поэтому деньги и мораль — разные предприятия. Мораль становится привилегией, и большинство

людей не осознают, что она помогает человеку сохранить целостность. Это одна из причин, по которой в лифте мы едем молча и палимся друг на друга. Вот так мы выражаем сочувствие!

В Западном полушарии все меньше и меньше сочувствия. Там страховые компании приняли на себя всяческие запутанные дела, связанные с человеческой душой.

И я боюсь. Что, если коробка оторвется от тросов и вместе с противовесами полетит вниз, разобьется, а я выживу?

Кепка лифт-боя съехала набок и держалась на тонком ремешке, врезавшемся ему в шею, и он время от времени его оттягивал. Пока под нами пролетали этажи, другой рукой он придерживал мой багаж, прислоненный к стенке. Смотрел на меня розоватыми глазами, как хозяин, в чей дом врывается буря.

— Лифт времен русской оккупации!

— Вы имеете в виду советской?

— Как скажет господин. Но разве это не одно и то же?

— Нет, — сказал я.

Разговор не прервался, потому что он со мной соглашался. Это подтверждало давно известную разницу между нами и чехами. Во времена моей учебы под советским сапогом они были Востоком, а Югославия — ни Восток, ни Запад. Теперь они Запад. А мы? Ни Восток, ни Запад!

На самом деле, они даже в большей степени ни Восток, ни Запад, чем были мы.

Помимо страха падения, лифт-бой еще и боялся остаться без чаевых! Он был похож на главного героя книги Богумила Грабала «Я обслуживал английского короля». Глаза, уши, рот, нос — все так правильно расположено на его лице! Мне было понятно, что я никогда не вспомню

это лицо, когда он оставит багаж в номере и уйдет. Такие люди, как этот лифт-бой, проявляют свою натуру, только когда тратят чаевые в пивной, и там они уже показывают, о ком, собственно, речь. С первой кружкой его бледное лицо начинает краснеть, на второй он затягивает песню, а на третьей болтает о женских задницах, сравнивает их, хорохорится, но меру знает.

В период интеллектуальной эйфории, охватившей меня в первые два года учебы в 1974–1975 годах, чтение книг означало уловить историческую нить, связывающую искусство с человеческой историей, а еще раскрыть тайну маленького человека, того самого, о котором когда-то возвышенно писал Чехов. Грабал такого человека нашел в пивной. За пивом он философствует (опираясь на гашековского Швейка: человек хотел стать гигантом, а сам дерьмо), живет на обочине истории, над всем насмехается (поэтому Грабал назвал своих соотечественников «животными, которые смеются»).

На Балканах дело обстоит иначе. Наш маленький человек пьет пиво не в пивной, а усевшись перед ларьком, сельским или городским, не важно. Под первое пиво он ругает соседа, под второе спрашивает, как дела у некоего Джордже. Это ему интересно чисто по-человечески, но и по делу тоже. У него сломался зубной протез, и он хочет у Джордже (о котором твердят, что ему скоро на тот свет) забрать его протез! На втором пиве он готов поднять восстание, потому что в мире много несправедливости, а на третьем приятели с трудом удерживают его от драки со случайным прохожим. К счастью, перед этим ларьком сидят и другие. Те, кто представляет нас в лучшем свете и для кого мудрость играет главную роль!

Богумил Грабал написал: «...небеса отнюдь не гуманны, как не гуманен и мыслящий человек: не то чтобы он не хотел, но это несообразно его понятиям»*. Я долго разгадывал туманный смысл этой фразы. Ее загадочный тон больше напоминал высказывание католического философа-экзистенциалиста, чем картину мира, создаваемую современным писателем. Лишь в конце интеллектуальной эйфории начало приходить понимание того, что хотел сказать автор! Это было время Рейгана и Тэтчер, но и появления Спилберга и Лукаса. Не знаю, появились ли эти режиссеры на сцене как спонтанное явление, но с их приходом была поставлена точка в золотой эпохе американского независимого кино, и мне стало ясно, что американцы любят Рейгана, британцы — Тэтчер, а большая часть планеты ненавидит упомянутых политиков. Тэтчер и Рейган могут формировать «правильное мнение», приносящее пользу только колониальным державам и тем, кто идет за ними след в след. Все это в ущерб остальному миру. Войны, которые они вели, чтобы только им было лучше, по правде говоря, и привели к тому, что у нас появилось радио, телевидение и всякое такое! Это как раз подтверждение, что ни они, ни их небо не гуманны, но мыслят они правильно.

Чешский писатель понял то, что следовало понять, как поняла и большая часть его народа, «смеющихся животных», а мы — нет. Потому и верим, что небеса гуманны! Вот почему они часто бомбят с того самого неба и массово убивают. Правильное мнение — это когда ты убедишь себя в том, что Милошевич виновен в распаде Югославии, зная при этом, что Джордж Буш еще двумя годами

* Цитата из романа Б. Грабала «Слишком шумное одиночество».

раньше заявил, что Америка установит дипломатические отношения с республикой, которая выйдет из Союзной Республики Югославии.

Пока мы шагали по коридору, глубина которого вызвала к жизни безысходность кафкианского видения человеческого существования, лифт-бой суетился и расплывался в улыбке, пытаюсь исправить впечатление. А все из-за разговора о разнице между «советами» и русскими. Он не был уверен, что получит чаевые.

— Знает ли господин, что номер, в котором он будет жить, это апартаменты, где регулярно останавливался Брежнев?

— Не знаю.

Увидев, что меня это не впечатлило, подошел ближе:

— Господин не чех?

— Нет.

— А почему же вы так хорошо говорите по-чешски?

— Учился в Праге.

— И теперь возвращаетесь снимать кино?! Я все знаю.

— Вот прямо все? — Наконец ему удалось вызвать у меня улыбку.

— Фильм называется «Андерграунд»*, — добавляет он, вприпрыжку волоча тяжелый багаж. — У этого Брежнева была привычка целоваться в губы! Представьте, что это был за человек! Пока Фидель Кастро не сыграл с ним шутку. Встретил его с сигарой во рту, так что они просто обнялись. Поцелуя не было! — Улыбнулся и ждал ответной

* Полнометражный фильм Эмира Кустурицы (1995), известный также под названиями «Подполье», «Под землей», «Подземелье». Военная драма, трагикомедия по сценарию Душана Ковачевича, основанному на его пьесе.

улыбки. — Позже и наш президент Свобода попробовал тот же трюк, но Брежнев, когда приехал, первым делом вытащил у него сигару и поцеловал его.

— В губы?

— Прямо в губы! Даже вообразить себе не могу, тьфу!

Лифт-бой отпер номер, в отличие от лифта хорошо сохранившийся, просторный, с большими окнами, но душный. Отделанный добротными материалами, он вызывал грусть и ностальгию по семидесятым годам. В основном из-за мебели, отделанной шпоном, и тех кресел с деревянными подлокотниками. Архитектор этого отеля и этого номера предвидел ядерную войну.

Когда лифт-бой ушел, довольный полученными чаевыми, он не знал, что получил двести крон только потому, что показался мне похожим на главного героя романа «Я обслуживал английского короля».

Все еще придерживая ручку чемодана, я сел на диван, не выпуская из рук поклажу, как моя мама, когда возвращалась с рынка трамваем, крепко держала на коленях сумку, опасаясь, как бы ее не украли хулиганы. Странно, что человек, потерявший родину, сидит в надежно защищенном номере, окруженный непробиваемыми стенами, а по его венам течет кровь и ощущение слабости разливается по всему скрюченному телу.

— Оно мне надо? — Меня мучил вопрос, на который нет ответа.

Югославия распадается на куски, а я снимаю фильм. Из всех способов самоубийства я выбрал самый сложный. Создание фильма — это сотворение картины мира, личное видение, а в зарождении этого фильма есть элементы поэтического хоррора.

БИЗНЕСМЕНЫ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

11 марта 1994 года

Логики в этом было немного. Господин Буиг, богатейший французский деятель строительной индустрии, приехал в Канны, чтобы купить отель. Его отвели на фестивальныи показ, где он посмотрел Дэвида Линча. Отель не купил, а вместо этого решил снимать кино. Он тщательно отбирал режиссеров по фильмам, понравившимся им с женой. Говорят, его жену тронуло «Время цыган»* и она плакала, а вместе с ней расплакался и крупный бизнесмен. Я впервые услышал, что крупные бизнесмены тоже плачут.

Буиг основал кинокомпанию «СiБу 2000» и отправил в Нью-Йорк парижанина, который постучал в мою дверь и сказал: «В Париже есть человек, который говорит, просто впишите цифру, сколько надо на фильм, который хотите снять!»

Ну кто откажется от такого предложения?!

* Фильм Э. Кустурицы. Оригинальное название «Дом для повешения» (1988).

ПЕСНЯ ОБМАНУТОГО НАРОДА В ПОДВАЛЕ

12 марта 1994 года

На следующий день после приезда в Прагу безвылазно сижу в номере. Приходит Брегович и говорит, что прослушал полученные от Стрибора кассеты с трубачами. Некоторые из них были победителями в Гуче*. Я много слышал об этом фестивале. Мы ставим песни и слушаем их нон-стоп. Из двух народных песен выкраиваем одну. Так и появляется «Мьесечина**», мьесечина, йой, йой...!»! Песня, которую в подземелье будет петь обманутый народ.

Брегович обладает умением беспрекословно делать то, что я ему говорю. Любую поставленную задачу он выполняет мгновенно, без оговорок. Так было и в «Аризонской мечте»***. Ему дали послушать Линтона Квеси Джонсона, и за пару дней он нашел песню «Соленцара». Это якобы произведение корсиканца, и, когда редактор предупредил, что на него могут подать в суд за плагиат, Брегович ответил: «И он не автор, это старая еврейская песня, в конце концов, где мы и где они! Как только продадим миллион экземпляров, сразу заплатим и суду, и автору!»

Из Белграда приезжает Душко Ковачевич, и, пока Брегович монтирует песню, мы обсуждаем текст, который должен

* Фестиваль трубачей в г. Гуча, Сербия.

** Лунный свет (*серб.*).

*** Первый англоязычный фильм (1993) Э. Кустурицы, снятый в Голливуде с американскими актерами. Специальный приз жюри («Серебряный медведь») Берлинского кинофестиваля.

передавать ситуацию в подвале. Обманутые люди, запертые в подzemелье в конце Второй мировой войны, верят ложной информации Марко, что война не закончилась. В этом фильме все шиворот-навыворот. В подвале, глубоко под землей, в изоляции живут люди. Проглотив идеологическую пилюлю, они производят оружие и живут в ложной реальности! Но, на самом деле, разве это не судьба рабочих и почти всего мира, которому сверхидеология посредством радио и телевидения транслирует информацию, при помощи которой управляет этой самой толпой? Однако, сколько бы ни жили во лжи, они продолжают верить, а когда во второй части фильма выходят во внешний мир, в реальность, сталкиваются с фикцией. Потому что снаружи снимают фильм, совпадающий с их видением времени. Отец и сын натываются на Велько Булайича, снимающего фильм о партизанах!

В КИНО ВСЕ ИСКУССТВЕННОЕ

15 марта 1994 года

Мне тяжело, что я вынужден разъяснять каждый аспект истории «Андерграунда». Никак не удастся убедить актера Лазара Ристовски, что в кино не существует ничего естественного. И что необходимо теоретическое согласие в понимании разницы между естественным и неестественным! Большая проблема в том, что сегодня теории ничего не значат. Они свергнуты вместе с идеологиями. Осталась сверхидеология, основанная на тезисе, что коммунизм и фашизм суть одно и то же. Так не пойдет. Сегодня единственная теория — это, по сути, практика. В прошлом, не таком уж и далеком, когда мир был свободным, мы изучали теорию музыки от Адорно, социологию от Ролана Барта, Дэвида Рисмена, Эриха Фромма. На сегодня остался один только Хомский.

Не знаю, в какой степени такое недопонимание по поводу естественного и искусственного возникает из-за разницы языков, которыми мы с Ристовски пользуемся. Он вырос с убеждением, что естественность — сильнейшее орудие актерского мастерства. Это органический процесс, происходящий в разных обстоятельствах! В кино обстоятельства всегда искусственные. Он видел много голливудских фильмов, в которых способ коммуникации — натурализм. Должно быть, Эрнст Любич и Фрэнк Капра прошли мимо него. Рожденные в традициях Голливуда и лозунга «Кино — это больше, чем жизнь» — они его, кино, идеализировали.

Думаю, что большинство наших актеров ориентированы на натуралистическую традицию, созданную телевидением. В этих фильмах намного лучше видно лицо (цифровая камера), и поэтому оно гораздо больше похоже на то лицо, которое они видят в зеркале, а перед ним они проводят дни накануне съемок или спектакля! А я, вообще-то, любитель фильмов Брюса Ли и Андрея Тарковского.

Что касается первого, то я впадаю в ярость, когда вижу, как его, такого субличного, задирают хулиганы в большом городе. Мне тут же хочется вскочить и присоединиться к нему в борьбе с драчунами. Но он делает это гораздо лучше, чем я себе представлял. Поэтому я остаюсь сидеть как приклеенный. Он отделает их как следует за всех нас.

У Тарковского меня очаровывают состояния, в которых автор незаметно освобождает нас от гравитации, переносит в духовные пространства своих персонажей, блуждает по лабиринтам человеческой души, используя реальность как элементы вымысла, а не как примитивное воспроизведение, при этом создавая впечатление естественности, о которой говорит Ристовски. В фильмах поэта Тарковского нет ни капли приемов тех, кто вываливает на нас груды описательных действий, снятых множеством камер, которые затем, как говорят продюсеры, «монтаж доведет до ума», музыка наполнит, а все это в конечном итоге утрамбуется в лаборатории. Все думают о лабораторном эффекте, творящем чудеса при сжатии света. Например, музыка и кино обладают общей базовой характеристикой. Если в картине уменьшить свет, то цвета на экране становятся интенсивнее, а если убавить музыку и свести звук к минимуму, то и басы, и высокие частоты слышны лучше, чем когда усиливаешь до максимума.

Все это возможно при условии, что оператор и звуко-режиссер — мастера своего дела и фильм демонстрируется в хороших условиях, то есть когда динамики не времен конца Второй мировой войны, а полотно экрана не должно быть не мытым двадцать лет. Благодаря этому я понял, как в фильме использовать узнаваемые сцены из жизни, но только при условии их постановки, даже если перевернуть их с ног на голову, раз режиссер не придумал ничего лучше, — тогда они становятся фильмом.

В кино все искусственное. Если бы Лазо, создавая образ Черного, был совершенно естественным на сцене, то, почувствовав, какой на самом деле Мики коварный парень, он, вероятно, треснул бы его молотком по башке! Это соответствовало бы его природе, но в то же время противоречило основной задаче создать образ обманутого и введенного в заблуждение парня, проглотившего идеологическую пилюлю. Одним словом, парня, который страдает, потому что рожден быть жертвой, и телячьим взглядом пялится на ловкого манипулятора. Мне кажется, Лазо любит страдать, но не уверен, что результат такой установки пойдет ему на пользу, когда он в парадном костюме после премьерного показа будет подсчитывать, на чью долю пришлось больше всего аплодисментов!

Актеры никогда не уходят на пенсию добровольно. Самые знаменитые редко занимаются даже рыбалкой, так как рыбы не аплодируют. В отличие от рыб, которые не любят попадаться на крючок и становиться жертвой, зрители обожают заглотить наживку и встать на сторону жертвы. Они уважают главных героев, но свою любовь к ним выражают только в том случае, если те жертвуют собой или если кто-то пожертвует ими! Исключение

составляют сказки типа Супермена*. У которого, опять же, нет отличительных черт, он ведь Супермен. Так, наверное, зрители защищаются от реальности, где в любой момент кто-то может принести в жертву их самих. Они не любят обидчиков, но боятся их...

Мой последний приезд в Черногорию, на Свети-Стефан, лучше всего говорит о современном человеке. Там один хвалил другого такими словами: «Ты смотри, вот же какой гад!» Именно так думает и чувствует современный человек. Доброта дисквалифицирована, как и нравственность. Это больше не представляет практического интереса, это не категорический императив, как говорил Иммануил Кант. Нравственность и добро приравниваются к скуке.

* Кинофраншиза (1948 — наст. вр.) о сказочном герое на основе комиксов издательства DC Comics.

НЕ БЫВАЕТ ЕСТЕСТВЕННОГО КИНО

19 марта 1994 года

Я люблю философствовать и упражняться в логике перед актерами. Философствую, потому что не верю, что репетиции текста или какие-либо традиционные приготовления помогают фильму. Художник-постановщик построит большой корабль, матросы приволокут его на берег Дуная, электрики протянут кабели, реквизитор доставит вещи из студии на грузовиках, художник по костюмам оденет актеров. Все выглядит естественным для сцены прибытия Марко, Черного и Натальи на корабль после похищения Натальи из театра. Наконец все готово для съемок большой ночной сцены. Этого совершенно достаточно, но если Вилко не включит искусственный свет, то всего этого самым прекрасным и естественным образом не будет видно. Стало быть, нет никакого естественного фильма.

Мысли о понятии естественного в кино переносят меня в детство. Возле моста Принципа, недалеко от того места, где я родился, Велько Булайич снимал фильм о сараевском покушении*. Когда режиссер готовил сложную сцену, я стоял за веревочным ограждением в группе сорванцов-чревоушастелей с окраины. Они произносили имя знаменитого режиссера, не открывая рта. Потом похожий на медведя охранник разогнал проказников, чтобы не мешали

* «Покушение в Сараево» (1975) — совместный югославско-чехословацко-немецкий исторический фильм о событиях, связанных с убийством эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 г., режиссер В. Булайич.

великому художнику в подготовке важной сцены. Озорники прошмыгнули на второй этаж и, спрятавшись за высоким окном подъезда, поплевывали на режиссера и съемочную группу.

И лишь некоторые члены съемочной группы поглядывали на небо и вытягивали руки, думая, что снова начинается проклятый сараевский дождь.

Когда все было готово, Булайич рывкнул в мегафон:

— Мотор!

Сняли много дублей, и каждый раз режиссер впадал в жуткий транс. Оператор, снимавший ручной камерой, делал сложный кадр, пока Булайич его тряс (чтобы сделать изображение максимально естественным). Потом режиссер толкал неуклюжих статистов, которые в толпе и без того спотыкались о камни мостовой — тогдашней улицы Воеводы Степе. В кульминационный момент, когда Флоринда Болкан, игравшая роль Софии, должна была упасть, сраженная пулями Принципа, Булайич совершенно забыл поднять руку и таким образом подать актеру сигнал стрелять, чтобы Гаврило Принцип убил Фердинанда.

В возбуждении он ревел:

— Естественно, мать вашу, естественно!

К тому времени все уже встали и с удивлением переглядывались, а Булайич продолжал орать:

— Чего смотришь?! Играй, играй!

Лишь позже, заметив Флоринду Болкан, пьющую кофе в отеле «Европа», он крикнул:

— Стоп!

От волнения и счастья, что он их больше не толкает и не бьет и что естественный транс закончился, массовка громко зааплодировала. Режиссер, конечно, полагал, что

аплодисменты адресованы ему. Он улыбался и наслаждался. И когда прекрасная Флоринда смотрела на него с презрением, Булайич объяснял технические детали съемок гостю — Брацо Косовацу, члену ЦК СК Боснии и Герцеговины. Позже, после выхода фильма в прокат, я видел эту сцену, и она была очень неестественной.

ШИБА БЫЛ БЛАГОРОДНЫМ ГОСПОДИНОМ

20 марта 1994 года

Я не спал всю ночь. Не знаю, может, потому что лежал в современном саркофаге, где когда-то спал Брежнев! Жду звонка будильника. Между сном и явью думаю о смерти отца.

Отец умер от времени, поразившего его тяжелой и неизлечимой болезнью. С небес его сразила невидимая молния.

За месяц до смерти он позвонил мне из Герцег-Нови в Париж, где я монтировал «Аризонскую мечту». Сквозь слезы рассказал, что умер Хайрудин Крвавац. Поскольку отец скончался вскоре после смерти своего друга, думаю, тогда он оплакал самого себя. Не знаю, кого мне было больше жаль: отца, по-детски рыдавшего по другу, или моего первого учителя в кино Шибу Крваваца. В этом городе мало кого можно было назвать господином, а Шибба был благородным господином.

Его жизненная драма была не просто частью моего детства, его страдания в тюрьме Голи-Оток* достойны всяческого уважения. Он был свидетельством того, что люди, пережившие лагеря и страдания, не говорят об этом. Долгое время я задавался вопросом, было ли их молчание следствием пережитых унижений. Точно знаю, что они молчат, потому что не хотят, чтобы их травму обращали

* Тюрьма для политзаключенных на одноименном острове (Goli otok) в Адриатическом море, в частности для репрессированных в 1948–1952 гг. после разрыва Тито со Сталиным.

в политический капитал. Он сидел там вместе со многими, не имевшими твердых идеологических убеждений. Любил русские песни и не скрывал этого, но пострадал потому, что на каком-то собрании сказал о каком-то Йоване, что он хороший человек. А тот Йован Йованович уже был арестован и отправлен на Голи-Оток. Так говорить было нельзя. Шиба был на Голи-Отоке и не любил рассказывать об этом периоде своей жизни. Но что еще важнее, он никогда не проклинал своих палачей. Спокойно переносил тот факт, что стукач, из-за которого его арестовали, сидел у нас дома рядом с ним. Доносчик был из семьи, которая в политическом смысле поднялась благодаря НОД* во время Второй мировой войны, а высокие государственные должности они заняли в основном благодаря Информбюро**. Шиба спокойно мог сидеть за одним столом с доносчиком, простил его, приняв свое заточение как судьбу. Позднее он даже шутя рассказывал о событиях в той семье.

Когда в девяностые, перед самой войной, в Сараеве подожгли фитиль национализма, я часто приезжал в Белград и Сараево из Америки. Как любой, переоценивший свое влияние на мистическую толпу, я был убежден, что своими публичными выступлениями смогу предотвратить землетрясение войны! Это было время сведения счетов, и все мы с бранью бросались друг на друга. Может, именно поэтому в памяти у меня остались те, кто не говорил дурно о других. Шиба не жаловался на судьбу и не собирался мстить своим палачам. Его величие заключалось в умении прощать, хотя восточная меланхолия и у него формировала

* Национально-освободительное движение.

** Информационное бюро коммунистических и рабочих партий.

позицию «Лучше все это забыть». Фраза, которой я украсил своего Деда в фильме «Папа в командировке». Этой идеей он хотел разрешить все конфликты. Для Шибы искренняя радость, вызываемая остроумием, была важнее политической бдительности. Я приставал к нему, чтобы он рассказал, как его отправили на Голи-Оток. Он потягивал белый шпритц*, водил указательным пальцем по ободку стакана, извлекая звук, и говорил мне: «Оставь это, вот послушай лучше...» И рассказал, как сестра Фаика Диздаревича вела себя в духе сорок восьмого года. В те времена женщины по политическим причинам, из-за любви к Тито, бросали мужей, влюбленных в Сталина. Она в духе драмы поставила условие будущей совместной жизни с писателем Вуком Крньевичем, который вообще-то был ее мужем. А именно, Крньевич хотел поехать из Белграда на Первый съезд сербских интеллектуалов в Сараеве. Гордая Диздаревичка стукнула кулаком по столу в их белградской квартире и заявила: «Или я, или сербские интеллектуалы!» Вук выбрал интеллектуалов.

* Традиционный коктейль из белого вина с газированной водой.

ПОСЛАНИЕ БОЕВИКОВ АЛИИ

21 марта 1994 года

Сегодня мне рассказали, что произошло в нашей квартире 26 июня 1992 года, то есть через два месяца после начала войны.

Начальник военной полиции в гражданской БиГ, некто Эдо Лучаревич, вместе с несколькими своими бойцами ворвался в квартиру по улице Каты Говорушич, 9а. Этот гражданин сначала украл деньги и другие мелочи, а затем заставил насильно приведенных соседей дать ложные показания.

— Видите, что прятал ваш сосед? — Соседям показали гранаты, вытащенные из рукава, а не из дымохода, как написано в протоколе. — Вы могли себе представить, что живете дверь в дверь с сербским террористом?!

— Насколько я знаю, он был партизаном.

— А насколько ты не знаешь? Он был четником*, а не партизаном! — ответила соседка Родич, которая прекрасно знала, что мой отец был партизаном и не был террористом. Но протокол подписала.

Когда я позвонил матери в Герцег-Нови и зачитал протокол, она сказала:

— Свиньи какие, это же пакет, в котором была тысяча семьсот долларов из тех трех тысяч, что ты прислал нам из Америки, помнишь?

— Помню, — говорю.

* Во время Второй мировой войны члены повстанческих отрядов, сформированных генералом Д. Михайловичем на основе подразделений Югославской королевской армии.

Она продолжает:

— Вот я дура, не взяла с собой, когда поехала в Герцег-Нови к Мурату! Думала, пройдет эта кутерьма!

Если бы случай ограбления квартиры моих родителей произошел хотя бы через год, то я бы сказал: «Ладно, я стал гражданином Белграда, вот они и не могут этого вынести». Но война только началась. Как и многие другие, давно уехавшие из Сараева, я не делал ничего другого, кроме как ощущал растерянность, сочувствовал гражданам и еще высказывал не всегда правильные оценки. Когда 5 апреля, в мусульманский праздник Курбан-байрам, в Сараеве началась стрельба, война застала моего отца на лечении в Герцег-Нови. И когда к нему в квартиру врывается военный полицейский, грабит ее, а потом вытаскивает из рукава фальшивые гранаты, это не может не иметь символического значения.

Это послание, которое боевики Алии отправили мне, а не моему отцу, он тогда был еще жив. Так они отреагировали на мою статью в *Le Monde*. Там в первые дни войны я призывал к миру, но Алию Изетбеговича называл генералом без армии. Мне трудно поверить, что дело было в чем-то другом.

«УБРАЛСЯ ИЗ САРАЕВА И БОЛЬШЕ НЕ ВЕРНУЛСЯ»

22 марта 1994 года

Съемки проходили на фоне ссоры между Мики и Лазо. Они поменялись ролями: Лазо искусственно провоцировал Мики, а Мики пытался разозлить Лазо естественным путем. Думаю, проблема все же в том, что Лазо никак не хочет принять роль обманутой жертвы. Наверное, боится, как бы на премьере, несмотря на парадный костюм, Мики не сорвал больше аплодисментов. Мики же умело использует чужую слабость и невероятно талантливо изображает невинность. Часто нарушает границу между переигрыванием и насмешками. Покидая студию, я понял, что после сегодняшнего дня я знаю о кино больше. Мне легче поверить в историю «Подземелья». Сейчас я впервые могу сформулировать роль Черного. На вопросы актеров, да и здравого смысла у меня есть ответ! Идеологическая пилюля, проглоченная партизаном Черным, удерживает этого человека в подвале и не дает задать тот опасный вопрос, почему он не пытается бежать, почему не раздобудет ключ и не вырвется на свободу. Тито был опиумом для народа.

Эти строки находят свое подтверждение и в нынешней войне. Когда аккордеонист Цацо, один из повелителей жизни и смерти, выбил глаз сыну тогдашнего начальника полиции, некоего Хебиба, тот его арестовал. Очевидец, проходивший тогда мимо управления полиции по улице Даниеля Озмо, располагавшегося в здании бывшего «Радио